

УДК 343.9:328.185:343.35

Г. Н. ГОРШЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Цель: привлечь внимание к вопросу об антикоррупционной политике как функции управления и концептуально-правовой основе управленческой деятельности в сфере противодействия коррупции.

Методы: системного мышления, синергетического подхода, сравнительного анализа.

Результаты исследования: выработка базового определения антикоррупционной политики; разработка критериев (оснований) разграничения антикоррупционной политики и антикоррупционной деятельности.

Научная новизна: впервые дается в значительной мере скорректированное определение понятия антикоррупционной политики; рассматривается соотношение понятия «антикоррупционная политика» с понятием «антикоррупционная деятельность»; излагаются характерные «политические» признаки; высказывается идея разработки концептуально-правовых основ политики противодействия коррупции.

Практическая значимость: научное обоснование положения управленческой деятельности в сфере борьбы с преступностью открывает возможности научной дискуссии по данной проблеме и позволяет оптимизировать функционирование всей системы государственного управления.

Ключевые слова: антикоррупционная политика; уголовная политика; управленческая деятельность; государственное управление; противодействие коррупции; политическая цель; целедостижимость; трехуровневая система управления; концептуальная власть.

Введение и постановка проблемы. Прочитав название нашей статьи, кто-то непременно заметит: слово «деятельность» в нем лишнее. Действительно, политика – это *тоже*, но не *та же* деятельность. Государственная *политика* и управленческая *деятельность* (далее – политика и деятельность) существенно отличаются. Хотя, как показывает опыт, такое отличие чаще всего игнорируется и «замещается» смешением понятий. Мы оперируем общепринятыми терминами, не всякий раз задумываясь над тем, что именно они означают, какую сущностную основу явления, процесса они выражают. И это особенно характерно для упрощенного, или эмпирического мышления, где обобщения делаются на низком уровне абстракции, т. е. на основе опыта.

Однако такого рода упрощенное осмысление политики встречается нередко и в теоретическом мышлении. Обратимся к такому определению: «Политика – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий».

Зададимся вопросом: какая именно деятельность в данном случае подразумевается? Думается, что с ответом возникнут затруднения. Можно, конечно, сказать, что данное понятие подразумевает государственную деятельность вообще. Но, оказывается, эта деятельность есть не что иное как «противодействие коррупции». Такое определение дано в п. 2 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». Согласитесь, что в содержательном плане это определение ничего антикоррупционного не выражает.

А теперь обратимся к другому понятию: «Разработка и постоянное осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества в рамках принятых данным государством основ конституционного строя с целью устранения (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни». Поставим тот же вопрос: а какая именно деятельность указана в данном случае? Уверен, что ответ последует незамедлительно: судя по цели, можно с уверенностью сказать, что это уж точно противодействие коррупции. И с этим можно было бы согласиться, не будь...

также «пояснительного» наименования термина: «антикоррупционная политика».

Полагаем, что ерничать по поводу смешения этих понятий – это пустое дело. Гораздо важнее указать на более серьезное отношение к приведенному выше безликому определению антикоррупционной политики. Дело в том, что данное понятие настолько распространено, что вполне может быть воспринято как эталонное. В частности, его (со ссылкой на проф. Г. А. Сатарова) приводят в своей статье В. Ю. Качалов, А. Н. Казаков [1, с. 85]. Почти без изменений данное определение приводят авторы словарей-справочников «Коррупция и антикоррупционная политика» [2, с. 8], «Антикоррупционный словарь», изданного в 2013 г. Министерством экономики Кыргызской Республики [3, с. 7].

Даже известный специалист в «антикоррупционной» области знаний профессор В. В. Астанин сводит понятие антикоррупционной *политики* к той же государственной антикоррупционной *деятельности*, определяя ее как «совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции» [4].

И такой подход является довольно распространенным. Например, аналогично определяет антикоррупционную политику соискатель ученой степени кандидата политических наук С. Ю. Новиков, который находит ее сущность «в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также мер по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» [5].

И уж никак нельзя согласиться с аналогичным определением, которое дано в проекте «Основных направлений антикоррупционной политики России», опубликованном на официальном сайте специализированной организации «Национальный Антикоррупционный совет Российской Федерации»: «Антикоррупционная политика заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни» [6].

В упомянутых определениях просматривается заблуждение – подмена сущностной основы антикоррупционной политики сущностной основой все той же государственной антикоррупционной деятельности. Получается, что противодействие коррупции, или антикоррупционная *деятельность* и антикоррупционная *политика* государства и общества – одно и то же. Но это не так. Попробуем разобраться с данными понятиями – «деятельность» и «политика» применительно к государственному управлению.

О «политике» и «деятельности». Как отмечалось в самом начале, политика тоже является видом социальной деятельности. Но эта деятельность отличается от деятельности, которую представляет собой государственное управление. Политика и управленческая деятельность неразрывно связаны, прежде всего, профессионально-публичным характером деятельности [7]. И если мы рассматриваем эти категории отдельно, то это вовсе не означает, что мы наделяем их своего рода «суверенитетом». Здесь мы имеем дело с «условной» дифференциацией, т. е. сравнительным анализом явлений.

Цель нашего сравнительного анализа заключается в том, чтобы проанализировать, уяснить сущностные особенности этих составляющих – антикоррупционной политики и антикоррупционной деятельности. Это необходимо для обеспечения гармонизации взаимосвязей, интеграции их энергий. Решение этой задачи предполагает оптимизацию эффективности государственного управления в сфере противодействия коррупции.

Государственное управление. Не вдаваясь в подробности, обратимся к наиболее общим и характерным признакам государственного управления, т. е. управления всеми делами в государстве. А если конкретнее, то это *адресная, властная, исполнительно-распорядительная* деятельность. С одной стороны, она исполнительная в том смысле, что осуществляется на основе, или *во исполнение закона*. С другой стороны, она сама «диктует» законы, точнее подзаконные акты, благодаря которым реализуется процесс непосредственного руководства хозяйственными, социально-культурными, административно-политическими и иными делами. Конкретные исполнители отвечают за качество исполнения конкретных дел (например, плановых мер) и получают соответствующие награждения или наказания [8, с. 37–38].

Таким образом, государственное управление как вид социальной деятельности рассматривается в широком и узком значении. «В узком смысле – «это административная, исполнительно-распорядительная деятельность государства... В широком смысле – это организующая, упорядочивающая деятельность государства, государственное регулирование различных общественных (а иногда – и некоторых личных) отношений путем деятельности всех ветвей государственной власти..., их органов, государственных служащих» [9, с. 11].

Назначение этого вида деятельности состоит в том, чтобы урегулировать и упорядочить жизнедеятельность и отношения (между личностью и коллективом, между государством и обществом), установить их рациональные взаимосвязи путем применения государственной власти [9, с. 11]. При этом реализуются различные меры (например, утверждение плана мероприятий, выполнение антикоррупционной экспертизы, проведение организационного совещания, назначение на должность и т. п.), которые никак нельзя назвать мерами политики. Но именно через эти и подобные им меры, в целом через государственную управленческую деятельность и реализуется государственная политика [10]. И здесь, на этом низшем уровне управления, как бы в одной тональности, находит выражение ее наивысший, политический уровень.

Вот этот эффект внешнего совпадения и провоцирует подмену понятий, или, как было сказано выше, их смешение.

Уголовная политика. А теперь сузим аспект рассмотрения государственной политики и выделим в ней антикриминальную политику, или политику в области борьбы с преступностью (противодействию преступности), в числе основных отраслей которой можно указать уголовную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, оперативно-розыскную и криминологическую политику.

Надо сказать, что в этой отрасли наибольшее теоретическое осмысление получило такое направление, как уголовная политика. Уже в одном из первых определений понятия уголовной политики, которое предложили Н. И. Загородников и Н. А. Стручков, *основной акцент был сделан на принципах борьбы с преступностью*: «Уголовная

политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью...» [11, с. 29].

Профессор П. Н. Панченко, проанализировав существующие подходы к определению уголовной политики, пришел к выводу, что сущностная основа уголовной политики состоит в том, «что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью» [12, с. 77].

Здесь же не лишне добавить, что, например, в учебнике по уголовному праву под редакцией профессора В. П. Ревина определена в принципе та же сущностная основа уголовной политики, т. е. которая «призвана обеспечивать разработку и реализацию направлений и задач, обеспечивающих эффективную борьбу с преступностью» [13, с. 14].

Эта принципиальная, правильная точка зрения на понимание сущности уголовной политики прослеживается и в других учебниках по уголовному праву. Например, в учебнике, изданном Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, в соответствующей главе (написанной профессором В. С. Комисаровым) дано такое ее определение: «Уголовная политика – это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения, а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения» [14, с. 34].

Обратим внимание на главную сущностную особенность политики – выработку стратегической линии и соответствующих ей принципов (руководящих идей), основных направлений, целей и средств противодействия преступности, что *составляет основу* управленческой, прежде всего, законотворческой, правоприменительной деятельности. Конечной целью уголовной политики автор определяет максимальное сокращение преступности. Особенно важно выделить в этой авторской уголовно-политической концепции положение о *несводимости* политики к деятельности – законодательной и правоприменительной. «Современная уголовная политика потому и называется политикой, – пишет В. С. Комисса-

ров, – что она несводима только к формированию законодательной базы и практики применения законодательства. Более важной является ее *политическая составляющая – определение идеологии борьбы с преступностью*» [14, с. 35–36] (выделено нами – *авт.*).

Таким образом, исходя из этих основополагающих идей относительно политики, уголовной политики, можно с бесспорной убежденностью утверждать, что в определении понятия антикоррупционной политики, которое было приведено выше, ничего сущностного, т. е. относящегося к антикоррупционной политике, нет.

Цели политики и деятельности. Таким образом, по отношению к государству политика – дело его *ума*, а деятельность – дело его *рук*. В том и другом случаях, разумеется, имеет место рациональное начало. Однако если в первом случае это начало превращается в исток научной, идеологической мысли, то во втором случае оно формирует «всего лишь» умения и навыки. И только интегрированная энергия ума и рук способна «рождать» профессионализм.

Представим себе двух субъектов управления. Первый – мыслит в сфере мировоззренческой и находит перспективную идею искоренения причин и условий коррупции в стране. И вот эта захватывающая идея превращается в политическую цель, соотносительную с целью уголовной политики – максимальным сокращением коррупции. Второй – трудится над тем, чтобы организовать и успешно провести такой оперативный эксперимент, как провокация взятки. Он может не только не разбираться в политике, ее руководящих идеях, но и вообще не знать, что это такое. Он просто делает свое дело.

В первом случае мы имеем дело с относительно безадресной политической целью-ориентиром. Сроки достижения ее не определены. Предусматривается только возможность ее достижения, и то – ненадолго, учитывая объективные закономерности социальных явлений и большую историческую практику бесплодной борьбы с коррупцией. Можно смело утверждать, что политическая цель в конечном виде *недостижима*. Во втором случае имеет место конечная цель конкретного правоприменительного действия. И эта цель *достижима*.

В этом состоит различие между политикой и деятельностью. Например, на заре юридическо-

го учения о преступлении и наказании один из основоположников классической школы Чезаре Беккариа, размышляя над целями уголовного наказания и исходя из основополагающих политических идей обоснованности, справедливости и реальных возможностей, сформулировал такое классическое положение: «Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [15, с. 106]. При этом цель «удержать других» Беккариа определял как *цель политическую*. «Какова политическая цель наказания? – задавался вопросом мыслитель и отвечал на него: – Устрашение других» [15, с. 122]. Но мы знаем, насколько эффективно такое устрашение. И эта цель явно недостижима. Она по своей сущности скорее представляет функцию наказания, т. е. его назначение, в котором выражается триединство действия наказания: характер, целесообразность и направленность.

Как видим, законодательная, правоприменительная цели являются конкретными, т. е. индивидуализированными. И управленческая деятельность направлена на их достижение по отношению к конкретному осужденному. Как предписывает ч. 2 ст. 43 УК РФ, «наказание применяется в целях... исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». И в большинстве таких конкретных случаев эта цель достигается, о чем можно судить по такой статистической величине, как рецидивная преступность. Таким образом, в данном случае мы имеем дело (в принципе) с реальным целедостижением. В данном случае не будем касаться оценки результативности этого целедостижения. К сожалению, практика устами ее профессионалов безапелляционно резюмирует: «Цель почти всегда выбирается правильно. А средства почти всегда указываются неверно» [16, с. 124]. И это во многом объясняет значительный процент недостижимости реалистичных целей.

Что касается «политической цели», или задачи предупреждения преступлений вообще (одна из задач, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УК РФ), то определение ее целедостижимости невозможно по тем же формальным критериям, по которым мы оцениваем реализацию уголовно-правовой, точнее уже перешедшей в статус правоприменительной цели. Здесь речь идет не об оценке *конечного*

успеха реалистичной цели, а об оценке *успешности* политики на пути к ее стратегической цели. Такая цель, например, антикоррупционной политики (определенная в Национальной стратегии противодействия коррупции как «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» [17]) представляет собой «образ желаемого, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты и который является побудительным мотивом деятельности» [18, с. 414].

Дух государственного управления. Кроме того, цель в политике имеет и другие побудительные силы – организационную, мобилизационную; в ней интегрированы общие интересы, стремления субъектов управленческой деятельности в области противодействия коррупции [18, с. 414]. Подобно великому Монтескье, создавшему научный образ духа законов, можно сказать о политике как духе государственного управления. Таким образом, следует различать достигаемую, реальную, планируемую цель антикоррупционной управленческой деятельности и идеальную, направляющую целесообразную идею, сфокусированную на такой же объект, идеализированный, или абстрактный, принципиально не осуществляемый в опыте и действительности [19, с. 150], – причинность коррупции.

Политика достаточно эмоциональна, т. е. чувствительна к общественному мнению и настроению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, особенно в случае придания им публичности через СМИ. И это сказывается на ее динамичности; реализации политических идей, установок; выяснении и вполне возможной корректировке целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

В отличие от политики, государственная управленческая деятельность более рациональна, нормативно урегулирована и организована, направлена на решение конкретных задач, анализ своей государственной деятельности и оценку ее результатов [19, с. 150].

Антикоррупционная политика. Итак, антикоррупционную политику можно определить как *научную разработку и практическую реализацию* основных принципов, стратегических направле-

ний, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др).

Как видим, в предлагаемом (для обсуждения и дальнейшего совершенствования) определении выражена главная идеологическая сущность функции государственного управления в сфере противодействия коррупции. Идеология в данном контексте подразумевает систему взглядов, оценок, руководящих идей, которые характерны той или иной общности, в нашем случае – *определенным* субъектам управления.

К таким субъектам относятся, прежде всего, руководители первого уровня (имеется в виду трехуровневая система управления, хотя правоохранительная система ныне имеет четырехуровневую структуру [20, с. 21]) или высшего звена. Их функции осуществляются в пределах решения наиболее общих проблем функционирования системы управленческого воздействия на коррупцию. Соответственно, объектом их идеологического (политического) воздействия является сама система управления.

Руководители второго уровня, или звена управления, являются одновременно и субъектами (проводниками) политики, и объектами-исполнителями.

Наконец, на третьем уровне (низшем звене) функционируют «чистые» исполнители (политически обоснованных) мероприятий.

Данная схема наглядно показывает соотношение политики и деятельности: с одной стороны, это два относительно самостоятельных вида – умственной и физической деятельности; с другой стороны, политика как идеологическая энергия реализуется в законодательной, а затем – в правоохранительной деятельности. Образно говоря, политика и деятельность – это душа и тело государственного управления.

В данном случае напрашиваются на сравнение два уровня мышления: системное и предметное. Предметное мышление можно уподобить эмпирическому скольжению (на «бреющем полете») над «землей», над низшим уровнем государственного управления. Увы, но с этого «верху» видно далеко не все. Необходимо другое, системное мышление,

для чего нужно взлететь на такую высоту, с которой открываются «стратегические» горизонты сферы управления, и тогда «земная» деятельность будет определена в нужном и научно освещенном для «землян-исполнителей» направлении, в котором предусмотрительно будут просчитаны и условия целеосуществления.

Неразрывность такого соотношения теории и практики хорошо иллюстрирует великий стратег, генералиссимус А. В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа».

Концептуальная власть. Возвращаясь к «системе оценок, взглядов, руководящих идей», следует употребить по отношению к ним термин «концепция» (от лат. *conceptio* – восприятие), который определяется как просвещенное восприятие какого-либо явления, в нашем случае, коррупции, или система взглядов на это явление. Именно концепция выступает как упомянутая система руководящих идей и положений о коррупции; процессах, которые так или иначе связаны с ней; как способ ее рассмотрения, понимания [21, с. 330].

Учитывая силу идей (которые, как известно, «правят миром»), концепция, из них состоящая, как бы выражает собой интегрированную силу идей, которую называют «концептуальной властью». Именно она и воплощается в образ политической власти.

Размышляя о современной российской государственной антикоррупционной политике, Г. В. Хорольский указывает на одну из ключевых ее проблем, которая заключается в отсутствии надлежащей научной разработки концептуально-правовых основ антикоррупционной политики. «Российская государственная антикоррупционная политика, – пишет ученый, – характеризуется низким уровнем концептуально-правовых основ». И этим, по его мнению, обусловлены «неопределенность правовых идей и принципов, низкий уровень унификации понятийно-терминологического аппарата, отсутствие официально принятого концептуального определения коррупции» [22, с. 159] и, добавим, самого определения «антикоррупционной политики».

Одним из объяснений сложившейся ситуации следует считать отсутствие той самой концептуальной властной силы, которая воплощается в политическую власть. Нужна официаль-

ная концепция антикоррупционной политики [23, с. 225–232]. А это означает научную продуманность, обоснованность *реальной* политики, а не соответствующего пафосного термина, придающего благозвучие и напускную серьезность деловым речам, политическим выступлениям и научным публикациям на актуальную тему коррупции.

Список литературы

1. Качалов В. Ю., Казаков А. Н. Антикоррупционная политика как функция государства // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: мат-лы круглого стола (21 апреля 2004 г.). Казань, 2004. 108 с.
2. Антикоррупционная политика национального государства // Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / под общ. ред. П. А. Кабанова. М.: Медиа-Пресс, 2008. 144 с.
3. Антикоррупционная политика государства // Антикоррупционный словарь. Бишкек, 2013. С. 7.
4. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. URL: <http://www.disscat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (дата обращения: 02.10.2013)
5. Новиков С. Ю. Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. URL: <http://www.disscat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения 17.10.2013)
6. URL: <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (дата обращения: 09.10. 2013)
7. Государственное управление и политика как отрасль политической науки // Политико-административное управление: учебник / под ред. В. С. Комаровского, Л. В. Сморгунова. М.: ПАГС, 2004. URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otrasl-politicheskoi-nauki> (дата обращения: 08.10.2013)
8. Григорян С. А., Бровка Н. В., Соколова Ю. А. Административное право. М.; Ростов-н/Д: ИЦ «МарТ», 2002. 256 с.
9. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. М.: Юристъ, 2002. 320 с.
10. Административное право Российской Федерации / Ю. Ф. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев и др. М.: Система Гарант, 2008. URL: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (дата обращения: 08.10.2013)
11. Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 4.
12. Панченко П. А. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / под ред. В. К. Бабаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
13. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.

14. Комиссаров В. С. Уголовная политика // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
15. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс; БИМПЛ, 1995. 304 с.
16. Альтшуллер Г. С. Основы изобретательства. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1964. 240 с.
17. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.: указ Президента Российской Федерации № 4600 от 13 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. 15 апреля.
18. Политология. Краткий словарь / Басенко Н. А. и др. Ростов-н/Д: Феникс, 2001. 448 с.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 445 с.
20. Хадисов Г. Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления: теоретические и организационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
21. Концепция // Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
22. Хорольский Г. В. Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 195 с.

В редакцию материал поступил 21.10.13

© Горшенков Г. Н., 2014

Информация об авторе

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603000, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: (831) 431-04-60
E-mail: gen7976@yandex.ru

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Антикоррупционная политика и деятельность // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 10–17.

G. N. GORSHENKOV,

Doctor of Law, Professor

Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhniy Novgorod, Russia

ANTI-CORRUPTION POLICY AND ACTIVITY

Objective: to draw attention to the issue of anti-corruption policy as a function of control and conceptually legal basis of administrative activity in the sphere of corruption counteraction.

Methods: systemic thinking, synergistic approach, comparative analysis.

Results: the basic definition of anti-corruption policy has been developed, the criteria (bases) of delineation of anti-corruption policies and anti-corruption activities have been developed.

Scientific novelty: for the first time the largely corrected definition of anti-corruption policy is given, the correlation of the "anti-corruption policy" concept with the term "anti-corruption activities" is considered; the typical "political" signs are outlined; it is suggested that the conceptual frameworks of anti-corruption policies should be developed.

Practical value: scientific substantiation of provisions of administrative activity in the crime counteraction opens the possibility of a scientific debate on this issue and allows to optimize the functioning of the entire governmental system.

Key words: anti-corruption policy, criminal policy, managerial activities, governance, corruption counteraction; political objective; achieving the goal; three-level system of management; conceptual power.

References

1. Kachalov, V. Yu., Kazakov, A. N. Anti-corruption policy as a function of state. *Korrupsiya kak sotsial'no-pravovaya problema sovremennoi Rossii: materials of round table (21 April, 2004)*. Kazan, 2004. 108 p (in Russ.).
2. *Korrupsiya i antikorrupsionnaya politika (Corruption and Anti-corruption policy): slovar'-spravochnik, pod obshch. red. P. A. Kabanova*. Moscow: Media-Press, 2008. 144 p.
3. *Antikorrupsionnyi slovar'*. Bishkek, 2013. P. 7.

4. Astanin, V. V. *Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: abstract of a Doctor of Law thesis). Moscow, 2009, available at: <http://www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (accessed: 02.10.2013)
5. Novikov, S. Yu. *Antikorruptsionnaya politika rossiiskogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: dis. ... kand. polit. nauk* (Anti-corruption policy of the Russian state under modern conditions: abstract of a PhD (Law) thesis). Stavropol', 2009, available at: <http://www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politika-rossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (accessed 17.10.2013)
6. <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (accessed: 09.10. 2013)
7. Gosudarstvennoe upravlenie i politika kak otrasl' politicheskoi nauki (State administration and politics as a branch of political science). *Politiko-administrativnoe upravlenie: uchebnik, pod red. V. S. Komarovskogo, L. V. Smorgunova*. Moscow: RAGS, 2004, available at: <http://all-politologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otrasl-politicheskoi-nauki> (accessed: 08.10.2013)
8. Grigoryan, S. A., Brovko, N. V., Sokolova, Yu. A. *Administrativnoe pravo* (Administrative law). Moscow; Rostov on Don: ITs "MarT", 2002. 256 p.
9. Chirkin, V. E. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elementarnyi kurs* (State administration. Basic course). Moscow: Yurist, 2002. 320 p.
10. Dmitriev, Yu. F., Kaz'min, I. F., Lazarev, V. V. et al. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* (Administrative law of the Russian federation / Yu. F. Dmitriyev, I. F. Kuz'min. V. V. Lazarev, et al.) Moscow: Sistema Garant, 2008, available at: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (accessed: 08.10.2013)
11. Zagorodnikov, N. I., Struchkov N. A. Directions of study of the Soviet criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1981, no. 7, p. 4 (in Russ.).
12. Panchenko, P. A. *Sovetskaya ugolovnaya politika: Obshcheteoreticheskaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: ee stanovlenie i predmet, pod red. V. K. Babaeva* (Soviet criminal policy: General theoretical concept of crime struggle: its formation and subject / edit. by V. K. Babayev). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 198 p.
13. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik, pod red. V. P. Revina* (Criminal law of Russia. General part: textbook, 2nd edition, revised and supplemented / edit.by V. P. Revina). Moscow: Yustitsinform, 2010. 496 p.
14. Komissarov, V. S. Ugolovnaya politika (Criminal policy). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov, pod red. V. S. Komissarova, N. E. Krylovoi, I. M. Tyazhkovoi*. M.: Statut, 2012. 879 p.
15. Bekkaria, Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* (On crime and punishment). Moscow: Stels; BIMPL, 1995. 304 p.
16. Al'tshuller, G. S. *Osnovy izobretatel'stva* (Bases of inventing). Voronezh: Tsentral'no-chernozemnoe knizhnoe izd-vo, 1964. 240 p.
17. O Natsional'noi strategii protivodeistviya korruptsii i Natsional'nom plane protivodeistviya korruptsii na 2010–2011 gg.: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 4600 ot 13 aprelya 2010 g. (On the national strategy of corruption counteraction and the National plan for corruption counteraction for 2010–2011: The Russian Federation President # 4600 of 13 April 2010). *Rossiiskaya gazeta*, 2010, 15 April.
18. Basenko, N. A. et al. *Politologiya. Kratkii slovar'*, (Politology. Brief Dictionary). Rostov on Don: Feniks, 2001. 448 p.
19. Frolova, I. T. *Filosofskii slovar'* (Philosophy dictionary). Moscow: Politizdat, 1991. 445 p.
20. Khadisov, G. Kh. *Raspredelenie kompetentsii organov vnutrennikh del v pravoohranitel'noi sfere na razlichnykh urovnyakh upravleniya: teoreticheskie i organizatsionno-pravovye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* (Distributing the competence of internal affairs bodies at different levels of administration: theoretical and organizational-legal aspects: abstract of a PhD (Law) thesis). Moscow, 2003. 25 p.
21. Lekhina, I. V., Lokshinoi, S. M., Petrova, F. N., Shaumyana, L. S. *Kontseptsiya (Conceptin) Slovar' inostrannykh slov*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. 784 p.
22. Khorol'skii, G. V. *Gosudarstvenno-pravovaya antikorruptsionnaya ideologiya v strukture rossiiskoi pravovoi sistemy: teoretiko-pravovoi analiz: dis. ...kand. yurid. nauk* (State-legal anti-corruption ideology in the structure of the Russian legal system: theoretical-legal analysis; abstract of a PhD (Law) thesis). Rostov on Don, 2011. 195 p.

Received 21.10.13

Information about the author

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, Doctor of Law, Professor; Professor of the Criminal Law Chair, Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Address: 23 Gagarina Prospekt, 603000, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 431-04-60

E-mail: gen7976@yandex.ru

How to cite the article: Gorshenkov G. N. Anti-corruption policy and activity. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 10–17.

© Gorshenkov G. N., 2014